

ЮБИЛЕЙ

Счастливая судьба Жуховицкого — до седых волос его считали молодым писателем. А что? На подъем — легко. Сердце у него доброе и отзывчивое. И все время женится. И жены его все молодеют и молодеют. И как-то незаметно нагрянул юбилей: Леониду Ароновичу исполняется 70. Встретились — он все такой же, поджарый, веселый, глаза голубые цветут на обветренном лице, ходит быстро, говорит азартно. Придумала я специально для Жуховицкого наименование — нестареющий классик эпохи надежд. Его много печатали за границей. Но кто же из наших читателей коллекционирует зарубежные издания? Оказывается, наш московский литератор установил личный рекорд в Скандинавии.

Леонид Жуховицкий:

"Женщин я очень люблю"

СВОИ

В ЧУЖОМ ВАГОНЕ

— Один раз в жизни мне здорово повезло: в Швеции моя книжка "О любви" вышла фантастическим тиражом в 185 тыс. экземпляров. Любви — тема во всех странах своя, а они захотели познакомиться и с чужой любовью.

— **Какие это годы?**

— Начало перестройки. Книжка вышла на волне возросшего интереса к России.

— **Но в те времена зарубежная публикация советскому автору стоила дорого!**

— Был скандал. Как же без него? Крупное издательство Швеции вознамерилось напечатать мою книжку, вышли на меня. Я человек законопослушный, хотел, чтобы ВААП заключил этот договор. Я готов был даже отдать государству весь свой гонорар. Но наши вааповцы примерно год ездили в командировку в Швецию, что-то выясняли, но так ничего и не выяснили. Потом меня пригласили в Швецию и предложили лично подписать договор. Я подумал: если откажусь, то мне станет стыдно за нашу державу. Я подписал. Книжка вышла вот этим уникальным тиражом в 185 тысяч. После выхода книжки спелцы по авторским правам вызвали меня и с укором сказали: "Вот у вас там книжка вышла... Вы знаете, что вы нам должны?" Я им, улыбаясь, ответил: "Я вам ничего не должен. Вы же отказались заключать договор".

— **Шведы заплатили автору или тоже за улыбку и хорошее отношение?**

— Заплатили! И сделали еще более ценный жест — пригласили в страну меня с женой, директора издательства, которое после Швеции начало печатать мою вещь. Пригласили и переводчицу — это она сумела пробить мою поездку в Швецию. Меня ведь никогда не пускали за границу, хотя приглашений было много. Там шли мои пьесы, в частности, "Верхом на дельфине". Шла там пьеса, фактически здесь запрещенная, "Выпьем за Колумба". Ее поставил Товстоногов, а в "Правде" этот спектакль обругали, и прежде всего пьесу. Естественно, репетиции этой пьесы в других театрах прикрыли. А за границей она пошла очень хорошо.

— **В каком жанре ты себя чувствуешь, как дельфин в море?**

— Ты знаешь, в нескольких стихах я по-настоящему чувствую себя в своей жанрии. Когда мои пьесы не получали разрешения — не литовались, я за 3—4 года спокойно писал прозу. Я не театральный человек, чтобы всю жизнь писать пьесы.

— **Леня, хотя ты не диссидентствовал, но какие-то проблемы с властями у тебя случались.**

— Помнишь, когда-то был сфабрикован процесс над Даниэлем и Синявским? И 16 молодых писателей написали письмо протеста: Жена Евтушенко, Жора Владимов, Роберт Рождественский, Володей Войнович... И я среди них. И все 16 попали под общий запрет. И второй раз я поступил неосмотрительно — участвовал в организации единственного на родине концерта Александра Галича. После этого я опять попал под запрет. Не печатали мою прозу — я писал публицистику.

— **В Москве тебя знают как добрейшего человека: ты не устаешь помогать молодым литераторам, пишешь благословляющие представления молодого автора — читателям... Иных принимали в Союз писателей по твоей рекомендации. И все, кому ты помог, называл тебя своим другом. Но кто по-настоящему твой друг?**

— С особой теплотой и болью вспоминаю ушедших. За последние годы не стало очень близких моих друзей. Умерли Роберт, Булат, Толя Жигулин. Умер Саша Аронов. Этот пролом в стене невосстановим...

Я дружу с Толей Приставкиным, с Женей Евтушенко, Володей Войновичем, Жорой Владимовым, с Риммой Казаковой. Чаще, к огромному сожалению, собираемся по печальным поводам. Но, слава тебе Господи, случаются еще и творческие вечера. Иные из них я веду.

— **Недавно узнала, что ты стал господином профессором. Что это за университет?**

— Да, я профессор Шведской писательской школы. И почетный доктор университета в Майами (смеется). В Москве я преподаю в российско-американском университете. В том самом, где заведует кафедрой журналистики Павел Гусев. Мой курс забавный — писатель за 10 часов.

— **Расскажи, Леня, про свою личную жизнь. Тебе, кажется, несколько раз улыбнулось семейное счастье?**

— Как ни странно, в семейной жизни я человек постоянный. Но не все жены могли меня терпеть. И в этом, если честно сказать, я их понимаю. К огромному моему горю, в этом году умерла моя первая жена Наташа, мама моей первой дочери Ирины. Она старше моей маленькой Аленки на 30 лет. Мне радостно и смешно видеть их вместе. Моя четырехлетняя девочка — дважды тети: ее племяннику два с половиной, а племяннице целых 16!

Жизнь мне улыбнулась больше, чем я того заслуживаю. У меня сейчас замечательная жена

Катя. Ей 24 года. Воспитывает дочку, Аленку.

— **Катю из своих студенток выбрал?**

— Нет. Это вовсе не профессорское увлечение. Я хорошо знаю ее маму... Катя сейчас ведет сайт в Интернете, где печатаются материалы очень хороших наших литераторов, в том числе Ларисы Васильевой, Фазиля Искандера. Это чисто благотворительная программа. Многие знакомятся с печатной продукцией через Интернет.

— **Твои успехи у женщин, надеюсь, обогатили нашу литературу.**

— У меня готова книжка повестей о любви. Еще не придумал названия. Есть несколько вариантов. Но скорее всего на обложку вынесу название одной из повестей. Есть там "Девочка на две недели", "Ночлег в чужой квартире". И еще — "Чужой вагон". Герой-литератор (повесть в какой-то степени автобиографическая) подружился с компанией студенток и фактически попал в чужой вагон. Я постоянно в быту своем попадаю в чужой вагон. И такая жизнь мне нравится. Моя предпоследняя жена стала прекрасной журналисткой: Ольга Бакушинская работает в "Комсомолке".

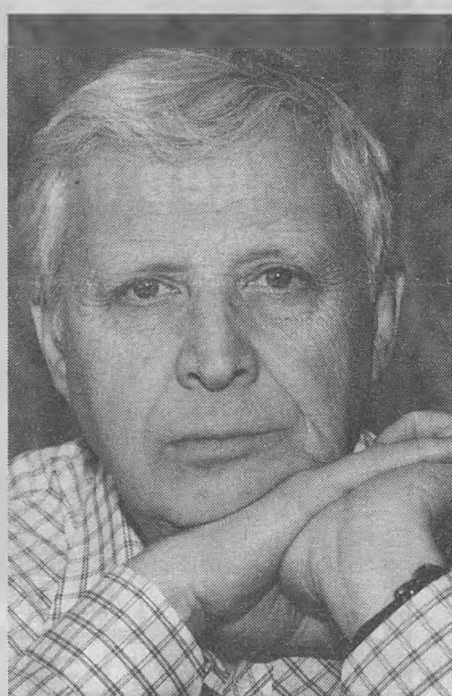
— **Леня, что это ты покашливаешь?**

— Понимаешь, вчера два часа играл в теннис на открытом корте. Видимо, немножко переборщил. Воздух еще холодный, а игра была отчаянная. У меня хорошие партнеры. Все они моложе меня, но я стараюсь не поддаваться. Иногда играю с поэтом Володицей Дагуровым. Иногда — с критиком Олегом Михайловым...

Затянувшись молодость — не моя личная черта. Это черта нашего поколения. Однажды я написал статью "Может, нам просто повезло". Считаю, мы вытянули счастливый билет. Когда нам было по 20, нас называли молодыми писателями. А потом и в 30, и в 40, и даже в 50 никто не отнял у нас этого веселого определения. Мы ведь попали в хрущевскую "оттепель".

— **Думаю, тут дело не в "оттепели" и не в "заморозке", а в душевном складе. Ты влюбчивый, постоянная внутренняя топка держит твой хороший эмоциональный градус. В каком возрасте начал влюбляться?**

— Рано. Как говорят, на сколький путь порока вступил лет в 14. Честно — я всех своих женщин лю-

бил, как это ни смешно звучит. У меня есть пьеса о Дон Жуане — "Последняя женщина синьора Хуана". Мой герой там раскрывает секрет своего успеха у женщин. Приятель спрашивает его: "Слушай, у тебя было столько баб. К каждой ведь нужен какой-то подход?" — "У меня для всех был один — я их любил". И тот ему не поверил: "Да ладно. Брось, я же тебя серьезно спрашиваю". А ведь это, Наташа, серьезный и честный мой ответ. Женщин надо любить. Женщины — самое лучшее, что есть в жизни.

В советские времена к нам приезжали переводчики и переводчицы. Они непременно высказывали недоумение: "Как же вы здесь живете? Это ужасно!" Я не мог им объяснить. Я жил не во времена Хрущева, Черненко, Брежнева. Жил во времена Наташи, Тани, Гали, Марини и так далее — во времена моих любимых женщин. Это была прекрасная жизнь!

— **Так что же такое любить? Уступать? Не противоречить? Дарить подарки?**

— Уступать всегда во вред тому, кому уступаешь. Задаривать — все равно что женщине покупать... На мой взгляд, любить — это з а б о т и т ь с я!

— **Может ли сказать знаток женщин, что в женской красоте для него превыше всего?**

— Однажды я по этому поводу написал так: "Самое лучшее, что есть, — это женское лицо, не считая женского тела". (Смеется). Женское тело — это венец творения. Чудо природы. Не зря Бернс писал, что Бог тренировался на мужчине, а пройдя эту школу, создал женщину.

— **Про тебя ходили слухи, что ты крутил романы с иностранками, когда это было категорически запрещено.**

— Первый раз меня потащили в КГБ за роман с английской девушкой. Она на две недели приехала в Москву на Московский фестиваль молодежи. И все две недели мы с ней буквально не расставались. Я жил тогда в жуткой коммуналке с девятью комнатами. По обычаю тех времен я привез ее сначала в Серебряный Бор для интимных проявлений чувств. Но оказалось, англичанка Валери не привыкла к парковой траве. И она мне сказала: "Завтра я к тебе приду". Я изобразил на лице предвкушение величайшего наслаждения, но в голову пронесся ужас: "Куда же я ее приведу? Куда она ко мне придет?" Слава тебе Господи, что мой друг Роберт Рождественский с женой Аллой получили комнатушку в подвале, и Роберт дал мне ключ. И вот в этот жуткий подвал, в маленькую, сырую комнату я и привел молодую леди. А когда Валери уехала домой, в Англию, я с ней переписывался. А переписка — дело опасное. Но гэдэшник оказался мужиком. Он спросил: "Как же ты мог, ведь ты же комсомолец?" Я сказал как истинный патриот: "Они с нашими девушками спят, а мы, что же, с ихними не можем?" Он подумал, подумал и произнес: "Ты прав. Это патриотично".

— **Начало тобой было положено. Еще каких иностранок любил?**

— Были полячки, немки, шведки. Даже одна американка. Человека я грешный. Но тебе скажу: ни на одной иностранке я бы не женился. Один мой друг, очень знаменитый художник, поэтому не называю его имени, перед отъездом за границу предложил мне: "Давай уедем вместе". Я ему объяснил: "Да куда я из России не уеду". Он удивился: "Почему? Здесь и то и се плохо. И цензура зверствует". — "Знаешь, ни в одной стране не будет таких женщин, как в России".

Наталья ДАРДЫКИНА.